

БАБЬЕ ЛЕТО

рассказы

Наталья КАРАЕВА

г. Павлодар, Казахстан

Личная жизнь

«Ты и я» называлась его картина маслом. Классика жанра.

— Я нарисовал её на первом курсе, — сказал Антон и поцеловал меня где-то в макушку.

Антон окончил училище живописи и работал в фирме одноклассника техническим директором, но время от времени выставлял свои картины. («Оборотень», — сказала о нём Ирка Никитина — топовый дизайнер и одна из моих двух лучших подруг.)

— Я эту девушку увидел зимой в трамвае. Она смотрела на вечерний город через маленькую проталинку замёрзшего окна и время от времени дышала на неё, чтобы та не уменьшалась. Через остановку вышла, а проталинку передала мне. И я влюбился. Я ходил по городу и искал эту девочку, а весной встретил Агнию.

Агния сегодня жена Антона.

Девчонка на картине была удивительно похожа на ту старшеклассницу, которой была я, когда мы на большой перемене играли в ручеёк. И, когда Генка выбирал меня, моё сердце так громко колотилось, что я боялась, как бы оно не выдало меня.

Затем Генка окончил школу, и они с мамой уехали из нашего села. Первые годы вспоминала его часто, а потом всё как-то реже и реже. То ли дела, то ли память загрузилась другими событиями.

Генку после стольких лет случайно встретила в этом году. До чего ж мы зависим от случайностей. Или это не случайности вовсе?

На работу иногда хожу пешком. Выхожу со двора через арку и, перейдя улицу, оказываюсь перед строгим зданием с голубыми елями и ухоженной клумбой у входа, а дальше иду дворами. Дворы мне не нравятся, поэтому добираюсь в обход. Это мимо фонтана, через небольшую площадь, на которой утра на скамейках сидит разный люд.

Вот и в тот раз отправилась на своих двоих. Майское утро обещало солнечный день. «Хо-рошо-то как!» – подумала я и тут увидела Генку.

Генка вышел из серебристой машины и почему-то улыбнулся (я даже увидела мою любимую щербинку между крупными зубами), затем неторопливо отправился в строгое здание. Генка всегда ходил вот так вальяжно. Вразвалочку. Генка раздался в плечах, покрупнел, но он никогда и не был хилияком.

Моё сердце, как вспугнутая птица, трепыхнуло от неожиданности или ещё от чего-то. Генку не решилась окликнуть, но номер машины запомнила.

После этого стало происходить что-то странное. Это что-то притаилось за шторами, ходило за мной по пятам, мешало жить, и я уже больше не могла выносить это. Одиночество?

Без ложной скромности, я довольно симпатичная. Достаточно, не до фанатизма, ухоженная. Люблю себя. Нынче так принято. Одним словом, обычная современная женщина уже по ту сторону тридцати. Если водительские права международного образца что-то могут сказать об их владелице, то и они у меня есть.

Вот только всё реже проживаю мгновения уединённости и спокойствия. Наверное, от этого и случаются приливы тоски. А тоскую я по своему детству. В такие минуты забираюсь в кресло, выключаю свет и возвращаюсь памятью домой. Дом наш стоит на набережной, и если перейти одностороннюю улицу, то можно, петляя между кустами, спуститься к реке. В родительском доме с голубыми ставнями и потемневшей от времени черепицей который уж год живёт семья брата.

Моя нынешняя квартира – зона моего комфорта. В воскресенье, проснувшись, иду в ванную, затем – на кухню. Тёплую и уютную – мне не нужно, как когда-то маме, топить печь. Мне не нужно, как когда-то в детстве, натягивать шерстяные носки, прежде чем сунуть ноги в тапочки.

На кухне пью кофе и возвращаюсь в постель. Читаю, смотрю фильмы, сплю. Проснувшись, вновь тащусь на кухню, съедаю бутерброд с куском холодного мяса, намазав его горчицей.

Я не боюсь выходных дней, я люблю их. Я счастлива в воскресенье.

В понедельник моя жизнь вновь возвращается на круги своя: пять дней в неделю генерирую идеи и реализовываю их на благо агентства, арт-директором которого являюсь. Чего-нибудь для души в моей работе мало, а вот денег и возможности для самореализации пока хватает.

В пятницу вечером встречаемся с девчонками, в субботу – тренажёрка, сауна и бассейн. Так устроена моя жизнь, и в ней уже трудно что-то изменить. Да и как-то лень.

В студенческие годы у нас была хорошая компания, но время оставило мне только двух подруг: Никитину Ирку и Ирочку.

Никитина – баскетболистка, красавица и «дура я сентиментальная». Ирка Никитина в свои тридцать пять верила в душещипательную историю «...и жили они долго и счастливо и умерли в один день», но иногда бывала решительной и непреклонной. «Времени потраченного жаль», – сказала Ирка Никитина, когда застала своего мужа с красавицей из соседнего подъезда. Подала на развод, разделила совместно нажитое (сын достался ей) и навсегда удалила мужа из жизни и телефона.

Ирочка – хрупкая, искренне весёлая, но никого, кроме мужа, местного олигарха Иннокентия Сергеевича, у неё нет. «Хороший муж – это лотерея», – говорила моя мама. В этой лотерее заветный билетик выпал тихоне Ирочке.

Вот уж десяток лет мы дружим втроем. Ни годы, ни житейские трудности не разрушили монолит нашей дружбы.

– Что-то неладно у тебя с душевным состоянием, – первая заметила моё настроение Никитина.

– У неё нет личной жизни, – поставила диагноз моему душевному состоянию Ирочка.

У меня нет личной жизни, а я этого просто не знала и была довольна. А теперь?

Надо что-то менять. Работа мне нравится, дом свой люблю, с подругами дружу. Осталась личная жизнь. Вот её-то, неприкайнную, и начну менять

– Ир, найди мне мужчину на машине, – и я назвала номер Генкиной машины.

Как могла Ирочка найти и вернуть мне школьную любовь? Не было у неё никаких связей с высшими силами, а вот у её мужа...

Иннокентий Сергеевич организовал в загородном доме небольшой «коктейль-пати». Пригласил гостей, чтобы истинная цель вечеринки затерялась в запахе шашлыка и пьяных тостах.

Генка оказался Антоном. Я поняла это, как только увидела его поближе. И ещё поняла — мне нравятся такие мужчины.

Какие всё-таки изощрённые ходы придумывает судьба, чтобы свести двух незнакомых людей в одной постели. Но, в конце концов, каждый строит эту жизнь сам.

— Я хочу знать о тебе всё, — сказал мне Антон в первый же день нашего свидания. — Хочу знать, что ты делала всё это время.

Что я могла рассказать о себе? То, как, меняя свою жизнь, вышла в одиночество?

И рассказала Антону о своём доме, о том, как мы с ребятами любили посидеть вечером на берегу у костра на бревне.

Я же не решалась ни о чём спрашивать Антона, боясь выдать своё желание знать о нём всё. А что я знаю об этом мужчине? Рукава рубашки любит закатывать выше локтя. Вот и всё, но «в голове вертит и кружит»...

Я могла узнать больше, но хотела знать только то, что мне Антон сам расскажет. Это было вполне честно.

— Я люблю тебя, — сказал он на втором свидании. Я не просила его об этом.

«Агния — шикарная женщина», — словно о каком-то постороннем человеке сказал как-то Антон о своей жене. Ещё у него были две дочери. Семья. Они не знали о моем существовании, но я невольно влияла на их жизнь.

Как дальше сложится моя — не представляла. Я понимала, что всё равно не могла бы ничего изменить, но я и не хотела ничего менять.

Время шло. Каждый раз, думая о нас с Антоном, я внутренне съёживалась, рисуя варианты развязки.

Всё оказалось проще. На стыке сентября и октября, когда рябинки под моим балконом меланхолично роняли листву, меня с коллегой отправили в командировку. Вернулись мы через неделю в уже продрогший хмурый город. Противно моросил мелкий дождь, и, судя по лицам прохожих, не первый день.

Решили согреться. Зашли в первое подвернувшееся кафе. В пустом зале сидела только одна пара. Женщина с рыжими слегка вьющимися волосами источала покой и негу. Перед ней стоял бокал красного вина. Её рука с изящным браслетом на тонком запястье изредка вспархивала вверх, осторожно поправляла волосы и опять возвращалась на белую скатерть, иногда опускалась на руку спутника. Ненавязчиво струилась музыка. Мужчина и женщина никуда не спешили. Мужчина сидел к нам спиной, но мне и не нужно было видеть его лицо.

Так вот какая у тебя жена... На самом деле, она очень красивая. И ты мне об этом говорил.

И да, у тебя жена, и ты спишь с ней, едешь за город, ходишь в кафе и на родительские собрания в школу. Это твоя жизнь. Мне там нет места. То есть сюрпризов никаких. Но от чего же так больно?

Агния, не обращая внимания на мою коллегу, окинула меня невозмутимо-спокойным взглядом. В её красивых губах затаилась усмешка. Всё вдруг стало таким пошлым и нелепым: любовник, жена. Муж возвращается из командировки домой, а там... Нет, наоборот, любовница возвращается из командировки, а там — жена.

Когда мы вышли из кафе, ветер гонял по тротуару тёмные грязные листья. Все исчезло: этот день, уверенность, смысл происходящего. Мир рассыпался.

Я шла и шла, и не могла ни остановиться, ни повернуть назад. В голове гудела пустота. На меня оглядывались. Было нестерпимо. Хотелось, чтобы скорее это закончилось. Не было ни желания, ни сил продолжать. Я оказалась на мосту, подошла к перилам и посмотрела вниз. Там, под мостом, ровно текла река.

— Время должно что-то изменить. Оно всё уносит, — сказала незнакомая женщина, появившаяся возле меня. Женщина попыталась взять меня за руку. Я скинула её ладонь: не хотелось никаких контактов с этим миром.

— Ступайте домой, — сказала мне женщина.

И я послушно побрела по серым улицам. В городе снова пошёл дождь.

В опустевшем дворе на лавочке сидел мужчина, у его ног лежал старый пес. Редкие прохожие ускоряли шаг или вовсе старались обойти эту парочку. Пёс равнодушно смотрел на них. Хо-

зьян пса не потерял интереса к миру, поэтому смотрел на него с укором и обидой. Мужчина и собака даже не покосились в мою сторону, как будто это не я прошла, а так — прошелестел пакет, подхваченный порывами ветра.

Дома наливаю кофе, забираюсь в кресло и ныряю в свои воспоминания, но не выдерживаю — не хватает дыхания. В сумочке долго звонит телефон.

За окном садится солнце, и ветер стучит ветками по крыше.

«Ничего, — говорю я в темнеющее окно, — время всё унесёт».

Закрываю глаза и вижу лёгкую тропинку, спускающуюся между низкорослыми кустами к реке. Мысленно иду по ней. В сомкнутые ладони набираю ледяную воду, а затем окунаю в неё лицо. Мне хорошо и спокойно...

Ночь. В домах слева ещё кое-где светятся окна. Справа... река.

Шурша гравием, подъехала серебристая машина и затихла. Из неё вышел мужчина, подошёл к краю берега.

Где-то внизу мерцает река. Лунная дорожка спускается к воде и расплёскивается по ней вместе с волнами. Над всем этим рассыпано огромное звёздное небо. Полумрак пространства разрывает одинокий фонарь, застрявший между мирами. Под лампой мечутся мошки...

Мужчина осторожно, задевая рукой кусты, спускается по еле заметной дорожке.

В ночной тишине настойчиво плещет река.

Ну, вот скажи, Максимов...

Я в эту любовь вошла как-то неожиданно. В понедельник утром.

К тому времени я уже месяц работала в школе. Преподавала математику. И уже месяц мечтала сбежать из этого ада — дотянуть бы только до лета.

Хозяевами моей однушки были Владимир и Инночка Семёновы. Не знаю, почему высокую, с плечами пловчихи девушку звали Инночкой, а

её светленького худосочного мужа, которого хотелось назвать Вовочкой, — Владимиром.

Максимов был Инночкиным соседом по даче. А Инночка — дочерью владельца нескольких магазинов, и дача их была приличным загородным домом с бассейном и сауной, поэтому я никогда не отказывалась от предложения Семёновых пошашлычить на выходные за городом. Желающих всегда была толпа.

«В тебя наш Макс влюбился», — сообщила мне Инночка в понедельник. Я тут же сделала попытку вычленив их Макса из этой толпы, очень надеясь, что уверенный здоровяк у барбекюшницы, заинтересованно посматривавший в мою сторону, это и есть он.

Во вторник у школы меня ждал незнакомый улыбающийся парень. Улыбка у него была хорошая. И сам он был светлым и голубоглазым. А мне нравились brutальные и смуглые.

То, что Максимов влюбился в меня с первого взгляда, не удивило, — но немного раздражало... Нет, не настойчивость, с какой он добивался наших встреч... Раздражала уверенность его, приземистого, рано начавшего лысеть парня, что красивая современная девушка, то есть я, непременно должна ответить ему взаимностью.

То, что он — Гоша, Максимов сказал на третий день нашего знакомства. А Макс — это производное от фамилии.

Первой, что мы не подходим друг другу, сказала мне Верка-биологичка. «Странный выбор», — сказала директриса Жанна Ивановна, когда встретила нас с Максимовым в кафешке.

А что странного-то? У меня было такое ощущение, что всё главное, значимое и настоящее ещё впереди, но с Максом всё равно классно.

Максимов хорошо рисовал. Здорово играл на гитаре. Но главным у него был талант общения. Как сказали бы специалисты по нашей психике, умел создать пространство для общения. В общем, Максимов был очень и очень мужик.

Через неделю нашего знакомства Максимов предложил мне выйти за него замуж.

— А что так поздно, почему не сразу на второй день? — это я изо всех сил старалась скрыть свою растерянность.

– Да я и на второй день уже готов был, но как-то неудобно было, – спокойно сказал он.

– Ну кто ж осенью объясняется в любви? В любви объясняются весной, – неуклюже переводила я его предложение в шутку.

Макс промолчал. Больше к этой теме мы не возвращались. Но меня задело, даже немного обидело, что после моего отказа Максимов ничуть не выглядел удручённым. И даже хоть сколько-то расстроенным.

Теплая осень затянулась. Мы всё ещё собирались на даче у Семёновых по выходным. В одну из таких вылазок за город Макс исчез. Мне стало скучно. Я послонялась, послонялась среди многочисленных Инночкиных друзей и пошла на дачу к Максиму. Кстати, он никогда к себе не приглашал. Интересненько.

Дверь в дом была распахнута. Ветер, как парус, пузырил белую ткань дверных штор. Я подумала и решила войти, не обозначаясь. Не объясню, почему так сделала. Мне кажется, я где-то понимала, что ненормально мало знаю о Максимове. Ну, служил на флоте (это он сам сказал) и, кажется, подводником – это уже Инночка добавила. Сейчас работает, заочно учится. У его отца давно другая семья в этом же городе.

Выходит, я хотела заглянуть в жизнь Макса, но так, чтобы он и не заметил. Скажи честно, ты так же, как и эта мымра-биологичка, считала Максимова не парой себе?

Когда я вошла, то опешила. Отовсюду на меня смотрела я. Вот я смеюсь, вот я ем яблоко, вот я щурюсь. А вот я сплю в своём любимом кресле. Всюду, как в художественной галерее, висели мои портреты. Среди них попадались и другие рисунки, но мало. Не скажу, что это было так уж приятно.

Я попятилась, собираясь выскользнуть из собственного мавзолея, но где-то из глубины дома послышался женский голос. Приятный, про такой говорят – грудной. И тут же басыщий мужской. Макс что-то отвечал, нет, я бы сказала, Макс кого-то уговаривал.

Я тихо пошла на голоса и оказалась перед открытой дверью. В дверной проём просматривалась небольшая комната. От тени дерева за окном в комнате был полумрак. Напротив,

на приподнятых подушках лежала женщина. Её бледное широковатое лицо было повернуто, и она увидела меня. Мы даже встретились с ней глазами, и они на миг стали ледяными. Перед ней на стуле сидел Макс. И, кажется, гладил её руку. Я тут же, отшатнувшись, замерла, прислушиваясь. Сердце испуганно заколотилось, и я расслышала только несколько раз слово «мама».

Когда спускалась с крыльца, увидела на другой его стороне инвалидную коляску. На сиденье лежало несколько больших красных яблок.

Инночка нашла меня на лавочке в углу своего сада.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила она и обняла меня за плечи.

Мне не нравится, когда до меня дотрагиваются чужие люди, и я отстранилась.

– Нет вроде.

– Макс говорит, в марте поженитесь.

– Да ну! – засмеялась я и вспомнила свои слова, что в любви объясняются весной, и тут же высчитала, что март – это и есть весна.

– Да он уже и деньги на медовый месяц собирает. Говорит, если ты согласишься, в Амстердам поедете.

Мне почему-то показалось, что в голосе Инночки прозвучала зависть. Откуда?

Но тут появился дрищ Владимир, безраздельно владеющий сокровищем – Инночкой, и мы отправились в компанию, которая уже всю пела под гитару Макса.

Дома весь вечер перед глазами – бескровное женское лицо из-за спины Макса.

И ещё – как быть с Максимовым, который собирается в марте погулять меня по старинным кварталам Амстердама?

На следующий день Максимов не появился. Просто не пришёл, и всё. Я позвонила ему на рабочий, но телефон был отключен. Это выглядело странно. И я испугалась. Мне стало жутко, что с ним что-то случилось.

Была уже ночь, и Семёновы на мой звонок тоже не ответили. К счастью, я вспомнила, что когда-то Максимов записал номер домашнего телефона на каком-то учебнике. Я перебрала

все книжные полки, выцветшие циферки обнаружались на форзаце учебника Атаханова «Системы начального обучения».

Смешанное чувство надежды и страха сделалось неконтролируемым. И я до утра прослонялась по квартире, а чуть свет позвонила.

Знакомый голос его мамы сказал, что Гоши нет дома. Голос был грудной и сонный, значит, ничего не случилось.

Мне захотелось Макса убить. А потом стало смешно, и я хохотала. «А что ж всё-таки случилось? Нужно перезвонить», — подумала я, отсмеявшись. Сейчас я не уверена, что это была мысль адекватного человека.

И Гошина мама, затягивая паузы, поведала мне, что вчера у них (пауза) была Инночка (пауза) и «раскрыла Гошику глаза». Оказывается, я проболталась Инночке, что встречаюсь с Максимовым только до весны, а там уж найдю кого-нибудь получше...

Наконец-то пришла зима.

От Семёновых я съехала. Верка-биологичка нашла мне другую квартиру и помогла перевезти в неё вещи. Вечером мы с ней напились на кухне и рыдали в два голоса, рассказывая друг другу истории страшных предательств, пока соседи снизу не постучали по батарее.

«Так, без слез и соплей», — сказала я себе утром и пошла в школу преподавать этим кровопийцам математику.

А когда в феврале встретила Макса с девушкой, опять рыдала на кухне, соседи мужественно выдержали мои причитания и жалобы на проклятую жизнь. Но про жизнь, скажем так, это я сгустила краски, чтобы выглядело трагичнее. Не из-за одного же Максимова мне реветь.

В марте наступила весна. По календарю. Снег и ветер накрыли город. Все вокруг бежали, бежали. Пытались согреться. Или спрятаться? День за днём проходила и моя жизнь. Я передвигалась по ней хнычущим розовощёким оксюмороном. В днях чего-то не хватало. И вдруг меня, как откровением, накрыла мысль: нужно уезжать в деревню к маме. И из школы я уходить не буду. Не боги горшки обжигают. Деревенские дети — другие, они доб-

рее и проще. И так мне стало легко, как будто я узнала пароль от тайной двери.

Уеду, и с Максимовым наконец-то всё решится.

Когда Жанна Ивановна узнала, куда я уезжаю, она мне даже отработку не назначила. «Правильно, езжай, деточка, к маме», — сказала директриса и тут же подписала заявление.

Уезжала я в понедельник. До отправления моего поезда оставалось немного времени. Все дела сделаны. Вещи отправлены. На посошок ещё вчера выпито. И я решила зайти в школу попрощаться.

— Ну, что? Молодой человек нашёл тебя?

Встретила меня в фойе дежурная тётя Глаша.

— Какой? — спросила я, и сердце моё так дёрнулось, что я присела на скамейку

— Ну, этот... Такой лысоватый. Он так расстроился. Чуть не заплакал, когда узнал, что ты уехала.

Ах, тётя Глаша, тётя Глаша!

Дежурная ещё что-то говорила, что-то хорошее про лысоватого парня, про его обходительность, но я не слышала. Я еле сдерживалась, чтобы опять не разреветься.

Ну, вот скажи, Максимов, ты нормальный?

Через два часа я уехала из этого города навсегда.

Не всё можно объяснить словами.

Бабые лето

Вчера я впервые изменила своему мужу.

— Так-к, перемешиваем. Посыпаем. Ждём! — бормочет Игорь, колдуя над каким-то причудливым блюдом.

— Вкусно получится, — подмигивает он мне.

«Интересно, а что же у нас с тобой получится?» — думаю я.

Я сижу тут же на кухне за столом, всегда покрытым белой скатертью. Причуда мужа.

С мужем мы учились в одном классе. Я выбирала между ним и Ганьянцем. Ганьянец выше ростом и шире в плечах. Да что там! Ганьянец — красавец. У Сашки же чуть раскосые глаза — наследство прадеда, гонявшего табуны

по казахской степи, жёсткий взгляд и белозубая улыбка. В Сашку влюблены все школьные красавицы, ну, за редким исключением.

После выпускного мы с подружкой Ирккой и Сашкой брели по пустынной улице, уставшие и сонные. Неожиданно откуда-то вынырнул парень на мотоцикле, проскользнул рядом со мной и собрался мчаться по свободному проспекту.

— Стой! — закричал Сашка. — А ты не пробовал проехать ещё ближе к ней?

— А что, можно? — усмехнулся (я думаю) за тормозивший мотоциклист.

— А ты попробуй.

Пацан поверил Сашке и, оттолкнувшись ногой о бордюр, исчез.

Я впервые почувствовала себя женщиной, слабой, но защищённой. Сашкиной женой стала на втором курсе журфака. И долго была защищённой, а ещё — избалованной и капризной. Это дома. У себя же в редакции пахла как Папа Карло.

В своих воспоминаниях с удовольствием возвращаюсь в то время, когда у нас родились девчонки — одна за другой. Третий раз испытывать судьбу я отказалась. Мне хотелось работать. Живут же люди и без сыновей.

Дочек Сашка обожал, растил их своенравными и настырными. Такими они и остались по жизни, упёртыми и своевольными. Уехали в большие города, в разные стороны. Звонят, зовут к себе, а мне нравится наш городок, где всё до боли родное. Наша квартира такая уютная и светлая. Стол муж смастерил, когда остался без работы. Всю мебель в кухне меняли, а стол вот он. Сидим за ним с Игорем, завтракаем. В кухне пахнет жареным луком и мясом. Какой-то чужой запах.

С Игорем познакомились в сентябре, когда уже начинался сезон дождей, холодных и долгих. Я люблю осень. В тот день выбралась погулять и сразу же продрогла, но всё-таки решила добрести до угла.

В кафешке на углу, похожей на забегаловку, мы с мужем любили посидеть субботним вечером. Здесь готовили хорошие шашлыки, едва ли не самые вкусные в нашем городке. Захотелось зайти, согреться.

Дверь оказалась тяжёлой, её всегда открывал муж. Осмотрелась. В зале уютно и тепло.

— Вот там будет удобнее, — указал мне на столик возле окна крупный мужчина, неожиданно обнаружившийся за моей спиной.

У мужчины был чуть хриловатый голос и открытая улыбка. «Интересно, где протезировался?» — подумала я, на секунду позавидовав его красивым зубам. Он не отводил глаз, и я смешалась.

Это и был Игорь.

В тот же вечер Игорь признался, что шёл за мной. Сам не может объяснить почему.

Игорь звонил часто. «Что делаешь?» — спрашивал он каждый раз. Игорь пытался пригласить меня куда-нибудь, но я не соглашалась, и мы гуляли по продрогшим улицам.

Вчера проснулась поздно. Солнце уже освещало всю стену напротив. Наступило бабье лето.

Ночью никто не снился. Ещё не успела ни о чём подумать, как в прихожей над дверью затренькал звонок. Открыла. Муж всегда выговаривал за то, что не смотрю в глазок.

За дверью стоял Игорь с цветком в горшке.

— Вот, — протянул мне. — Чем-то приглянулся. Решил тебе подарить.

— Гелиотроп, — сказала я. — Мой любимый цветок.

Игорь рассмеялся и, отодвинув меня, переступил порог. Фиолетовые цветки гелиотропа наполнили комнату запахом ванили. На потолке дрожала тень листвы старого тополя за окном.

— Вот так, — говорю Сашкиной фотографии на комод, когда за Игорем на следующий день закрывается дверь. Я всё рассказываю Сашке.

Когда же рассказала подруге Иришке об Игоре, она стала говорить о предательстве, о том, что должно быть стыдно так поступать, когда у тебя муж недавно умер. А мне и было стыдно, но чем острее я испытывала муки совести, тем яснее становилось: этот мужчина уже вошёл в мою жизнь.

Дочки выросли на рассказах о моём детстве, о нашей с Сашкой юности. А теперь я сижу одна на нашей кухне, пью чай и рассказываю сама себе истории своей жизни. Вспоминаю.

Сашкина карьера в строительной компании

после института складывалась удачно. Он всегда был занят. Приходил уставший, но в настроении. Вечерами сидели вот на этой же кухне, пили чай, Сашка рассказывал байки про строителей, часто смешные.

— Не ржи, девчонок разбудишь, — говорил он довольный.

А если я смеялась, успокоить меня было непросто.

Но со временем Сашка сделался каким-то психованным. Появились новые друзья. В доме стали бывать неприятные мне люди, но я накрывала на стол, пережидая за закрытой дверью их шумное веселье. Устраивала наутро разборки и скандалы. Уходила к подруге Иришке. Сашка вылавливал меня возле редакции, лил слёзы, обещал и клялся. Начинали жизнь сначала, но ничего не менялось. Девчонки взрослели. Сашку увольняли в одном месте, но вскоре принимали в другом. Сашка был хорошим специалистом. Сашка — он талантливый.

— Да брось ты его, — говорила на полном серьёзе подруга Иришка, некогда по уши влюблённая в Сашку.

А кто был со мной, когда у меня умерла мама, когда мне поставили страшный диагноз, но, к счастью, он не подтвердился? А кто набил морду главному редактору, когда этот индюк вздумал (....???)? А с кем мы девчонок растили, грустили, радовались?

Самое обидное, что как-то и старшая дочь мне об этом сказала. Помнится, проревела я до утра, а утром, так и не найдя нужных слов, врезала дочери по шее.

Сашка ушёл сам. Навсегда. Туда, откуда не возвращаются.

Воспоминания спрессовались, а затем тугим комом подступили к горлу. Но я не позволила себе расплакаться. Сколько уже можно реветь? У каждого своя судьба.

У Игоря парализована жена. Четвёртый год не встаёт. Есть сын. Живёт здесь же, в городе. Таксует. Поэтому недавно, когда к нам на улице подъехала машина, из неё вышел парень и спросил: «Батя, это кто?», мне его лицо было уже знакомо. А после того как Игорь ответил на вопрос, сын сказал, что отвозил моих дочерей на вокзал после похорон мужа. Вот так.

Ненавижу одиночество, но готова остаться совсем одна. Вот только не нужна мне чужая жизнь.

— Давай расстанемся, — говорю Игорю, и сердце испуганно сжимается.

— Я не могу, — говорит Игорь, и сердце моё стучит дальше.

Вечером третьего дня зимы Игорь не пришёл и не позвонил. Почему-то было страшно ледяным сковывающим страхом. Бродила по квартире, прислушивалась, всматривалась в тёмные провалы окон. Уснула, как будто свалилась в ледяную прорубь. Разбудил звонок, прозвучавший в утренней тишине как треск старого мотороллера.

— Батя умер, — сказал знакомый хриплый голос.

— Игорь, что за дурацкие шутки? — сказала я и в следующую секунду поняла, что это не Игорь.

— Батя вчера умер. Сердце... — сказал сын и, немного помолчав, добавил: — Вы на похороны не приходите.

— ...Это мне в наказание. Это Бог меня за предательство наказал, — плачу Иришке в телефон.

Её некогда тихий однокурсник, а теперь муж — какой-то там начальник, не любит гостей, а тем более Иркиных подруг. Вот и общаемся в основном по телефону.

— А может, ты — подарок Игорю перед смертью? — говорит, как всегда, мудрая Ирка.

И меня немного отпускает.

На похороны я пошла. Прощалась в стороне.

На кладбище ко мне подошла женщина.

— Я Вера, — сказала она. — Игорёшкина сестра. Он вам обо мне не рассказывал?

— Нет, — покачала я головой. — Не успел.

— Вы его любили? — спросила Вера. Было видно, как ей этого хотелось.

Я кивнула. Женщина Вера расплакалась и обняла меня. Но я не могла ни с кем делить Игоря.

— Продавай квартиру и приезжай, — звонит старшая дочь. — Не хочешь ко мне — перебирайся к Наташке в Новосибирск. И чё сидеть в своём Мухосранске!

Вот так одной фразой уделала. Хорошо, что я ей про Игоря не рассказала.

– Анечка, – говорю в трубку, набрав до щемящей боли родной номер редакции. – Сделай объявление на продажу моей квартиры. Всё. Уезжаю.

– Как здоровье? Как ваши дела? – щебечет Анечка.

А какие у меня дела? Уезжаю из Мухосранска.

Сирота

Её жизнь сложилась. Дом. Хороший дом. Муж. Дети. Внуки.

Землёй обетованной стали сад и огород. Лето и всю осень Нина Владимировна с удовольствием консервировала, солила, замораживала фрукты и ягоды, варила варенье. А ещё любила цветы. Цветов было много и разных.

Нина Владимировна не работала много лет. Вначале нянчила внучку, которую жалко было отправлять в детский сад. Затем Виолла, жена сына, решила прервать свой декретный отпуск, и полторагодовалый Никитка перекочевал к ним. А там и ещё появился внук. И все легко привыкли к тому, что Нина Владимировна занималась детьми, водила их по больницам, возила летом на отдых.

Неожиданно в конце июля коллега по школе, а ныне – руководитель отдела образования, предложила Нине Владимировне поработать месяц в детском доме семейного типа. У них там случился какой-то цейтнот с педагогами.

Нина Владимировна согласилась и в понедельник вышла на работу. Внуков временно определили к другим немало удивившимся бабушкам.

Работали в детском доме через сутки: с девяти утра до девяти часов следующего утра. Ни привычных двух выходных, ни беззаботных вечеров пятницы.

Напарница, женщина годиков тридцати, мама Мила, встретила её во дворе. Обняла и поцеловала в щёку, чем немало смутила. В школе так упрощённо эмоций не выражали. И тут же принялась рассказывать, как нужно вести себя с воспитанниками, чтобы они «не обнаглели в край...»

«Нужно накопать им многолетников», – подумала Нина Владимировна, взглянув на жалкий цветничок у калитки.

В доме их встретила девочка лет шестнадцати, невысокая, хрупкая, с хорошеньким личиком и взрослыми внимательными глазами. Остальные дети ещё спали. Всего детей было семь.

А Мила рассказывала и рассказывала, о своей маленькой дочке, о маме, благодаря которой она смогла работать и учиться на факультете финансов, о том, что «муж объелся груш», а была такая неземная любовь...

Девочка всё это время сидела рядом, и было понятно, что и про любовь, и про мужа она слышит не в первый раз.

– Вот меню, – напоследок сказала мама Мила и положила на журнал передачи дежурств несколько печатных листов. И через короткую паузу добавила: – Но вы готовьте из тех продуктов, что есть.

А были полмешка картошки в кладовке, несколько яиц в холодильнике да подсолнечное масло на доньшке пятилитровой бутылки. Серые пыльные рожки в шкафу, понятно, к продуктам отношения не имеют.

Дети спали. Девочка – а звали её Карина – тоже ушла в комнату и вышла оттуда только к обеду.

Утренний ветерок шевелил белые шторы в чистой кухне, да монотонно гудел холодильник.

«Нужно им букет нарвать», – подумала Нина Владимировна. (И весь месяц на углу большого обеденного стола в стеклянной банке стояли цветы из её сада.)

Нина Владимировна осмотрелась. Детский дом был добротным: с просторной верандой, с баней во дворе. С весёленькой игровой площадкой в углу участка.

«Так, а чем же мне их всё-таки накормить?» – подумала Нина Владимировна и позвонила мужу. Муж молча сложил заказанные продукты на лавочку во дворе и так же, не проронив ни слова, уехал. «Ну да. Понятно», – сказала Нина Владимировна и понесла пакеты в дом.

– Здравствуйте!

Первым заглянул к ней высокий крепкий парень, почему-то в тельняшке, с кривой чёлкой, падающей на глаза. Глаза были слегка прищуренными и ярко-голубыми.

– Я Ваня, – доложил парень и мотнул головой, на время смахивая чёлку с глаз.

«Настоящий Ваня», — подумала Нина Владимировна и предложила:

— Мой руки и завтракать.

— Завтракать? — переспросил Ваня, но, умывшись, появился на кухне. Дымящийся омлет и гору овощного салата на своей тарелке уплетал с каким-то лёгким удивлением.

В детском доме жил и его младший брат Данил. Худой и длинный. С какими-то девчоночьими ресницами, густыми и пушистыми. Девятилетний Андрюшка был блёклым и тощим, с настороженными глазами на помеченном конопущками лице. На кухне он появился следом за Мадinou, крепкой девочкой с мягкой восточной внешностью. Мадина плохо видела. Всё, что Нина Владимировна клала перед ней на тарелку, она ощупывала, прежде чем отправить в рот. Вообще, цепкие пальцы девочки жили какой-то своей беспокойной жизнью.

Неожиданности начались, как только заспанная Карина появилась на кухне.

— А вы чё сдеся?! — закричала она на Мадину и Андрюшку, помогавших Нине Владимировне накрывать стол к обеду. — А ну быстро на площадку!

Мальши кинулись из кухни.

— Не поняла?

Нина Владимировна растерянно застыла у плиты.

— А чё сдеся понимать? Они должны гулять на улице.

— А ты должна спать до обеда?

— Ну, надо было меня разбудить.

— А зачем? Каникулы же.

— А затем, что подъём в восемь. Посмотрите режим.

Нина Владимировна громко вздохнула, махнула рукой и продолжила разливать борщ. Через несколько минут отправилась звать всех к столу.

— А это чё, борщ?

Карина нахмурилась, её глаза потемнели. Не глаза — ледяная прорубь.

— Ты чё! Вкусно же! — вставил Ваня.

— А он чё, у нас по меню? Да?

— Нет, по меню у вас рассольник.

— Обед надо готовить по меню.

— Андрюша, тебе какого гарнира? — спросила Нина Владимировна.

— Дайте такого, как утром, — попросил мальчик.

— Омлет съели. Котлеты у меня тоже вкусные.

— Омлет? Вы чё, жарили омлет? — Карина сделала страшное лицо.

— Конечно, — сказала Нина Владимировна и вышла из кухни.

Часы на стене показывали без малого час дня. Впереди ещё двадцать часов дежурства...

— А вас как называть? — спросила ещё утром Карина.

— Нина Владимировна, — ответила она, не допуская мысли, что незнакомые дети станут называть её, как здесь положено, мамой, а во второй половине дня все уже называли её тётей Ниной.

Вечером перед сном, когда они с Мадinou вдвоем сидели на крыльце, девочка прижалась горячей щекой к её голому плечу:

— Можно я буду называть тебя мамой?

— Нет, пожалуйста, не надо, — почему-то тоже шёпотом попросила Нина Владимировна. — Какая я мама!.. Я вообще-то уже бабушка, — и на глаза у неё навернулись слёзы.

Следующее утро было по-настоящему хорошим, тёплым и светлым. Нина Владимировна распахнула окно в своей комнате, вымыла полы на кухне и на веранде, обтёрла сваленную в кучу обувь и выстроила её ровными рядками у двери. Посмотрела на часы — её рабочий день заканчивался через три минуты. Дети спали. Шелестел старый тополь у раскрытого окна. В доме было тихо и свежо.

Неожиданно кольнуло сердце, коротко и резко, как выстрел. Нина Владимировна привычно положила таблетку под язык и вышла.

Муж уже ждал в машине, когда наконец-то появилась мама Мила. Говорливая, молодая и упругая, как пружинка.

— А я испугалась, что придётся ещё сутки дежурить, — сказала Нина Владимировна мужу, плюхнувшись на сиденье рядом. — Такой день...

— Ты бы хоть поздоровалась, — перебил он её.

— Ой, извини! Здравствуй.

Нина Владимировна потянулась к мужу и поцеловала его в щеку.

— Как ты? У Никитки сыпь прошла?

Муж не ответил. Так и ехали молча, пока не показался их дом, добротный и красивый.

Дома побродила по комнатам, разложила по местам разбросанные вещи мужа, приготовила завтрак и вышла в огород.

Остановилась, залюбовавшись приземистой яблоней, усыпанной красными плодами, которую весной спасла от выкорчёвки. Представила, как завтра дети будут, хрустко откусывая, уплетать яблоки. Улыбнулась.

Мысли о детдомовцах не отпускали её весь день. И о себе тоже. «Что я знаю о себе на сегодняшний день? — думала она. — Из чего состоит моя жизнь?»

Её жизненное время, как слоёный пирог, разделено на разные жизни. Нина Владимировна помнила себя ещё трёхлетней девочкой, а сейчас уже бабушка, выгуливающая внуков, но она та же, какой когда-то появилась, существует, а однажды исчезнет.

Нина Владимировна снова который раз вспоминала, как Карина отчитывала её за то, что она разрешила Андрюшке и Мадине посидеть за компьютером в комнате «мам».

— Это нельзя! Понимаете?

«Ты хочешь показать нам, что бывает другая жизнь? Но что нам с того?» — прочитала она на лице разъярённой девочки.

— Это детский дом. Понимаете?

— Но всё-таки ключевое слово — «дом».

— Это наши порядки! Понимаете?! — прокричала Карина ей в лицо, а затем развернулась и вышла, хлопнув где-то на веранде входной дверью.

Было обидно. До слёз.

Думала она и о муже. Он каким-то образом больше не был тем же человеком, каким был два дня назад. Почему этот человек рядом меня не понимает? Нет, он просто не хочет этого сделать. Они просто привыкли, что я обслуживаю только их, — жестко, с еле сдерживаемой неприязнью подумала Нина Владимировна. Подумала и не позволила мысленно обвинить во всём себя.

На следующий день Нина Владимировна проснулась рано, как просыпалась теперь каждое утро, и приоткрыла окно. Серый рассвет только вползал во двор. Как-то тоскливо шуршали берёзки под окном.

Нина Владимировна заплакала. По-воровски, украдкой. Перекладывать свои проблемы на чужие плечи она не умела. Затем, выбравшись из постели, подошла к зеркалу. Пожилая уставшая женщина смотрела ей в глаза, отчаянно и тоскливо. Нина Владимировна улыбнулась женщине краешками губ.

Завернувшись в плед, вышла из дома. Всё крыльцо было усыпано сухими листьями. Неотвратимость осени. Долго сидела на ступеньках.

Вышел муж, испуганно спросил:

— Тебе плохо?

Она покачала головой.

— Померь давление, — сказал он, ещё немного постоял и вернулся в дом.

Как всегда, приняла душ, приготовила мужу завтрак. Собрала полную сумку и облегчённо вздохнула, когда наконец-то села в машину, чтобы ехать на работу.

— Ваня вчера вены резал, — сообщила ей мама Мила на бегу, передавая смену.

— Вены?

— Да, весёленький вечерок у нас был.

— А почему?

— Ясно дело — почему. Набухался с друзьями и давай.

— Как его в психушку не забрали?

— Так он и так там на учёте. Да они все у нас психи!

«О чём думал вчера пьяный Ваня? Как мне с ним поговорить? Что мне ему сказать?» — думала Нина Владимировна, пока готовила детям завтрак.

Будить ребят, как того требовал режим, висевший в коричневой рамочке под часами в прихожей, не стала, поэтому в доме было тихо до обеда. Они с Мадinou, которая появилась, как только мама Мила закрыла за собой дверь, постирали, пропололи грядку, сварили обед...

— Почему Мадина вечно на кухне торчит? — снова отчитывала Нину Владимировну Карина. — Пошла на площадку! — кричала она Мадине.

Та уходила, но через время опять появлялась возле «мамы».

— Отстань со своими тупыми правилами, — сердилась Нина Владимировна.

— Здесь детский дом, и у нас свои правила, —

выходила из себя Карина. — И они не тупые!

«И не лезь к нам со своей жизнью, живи ею там, за дверью», — говорил её взгляд.

«А может, эта девочка права? — подумала Нина Владимировна. — В той — твоей — жизни их выбросили. У всех семерых есть родственники, а у Вани и Данила — даже мама. Почему и за что — они не знают. А в этом доме им хоть что-то понятно, пока не приходит тётя Нина и не пытаются это что-то изменить. А потом такие умники, как ты, уходят, а они остаются. И лучше, если есть какие-то правила, тогда дети знают, как себя вести и что делать».

Нина Владимировна вышла из дома. Карина сидела на нижней ступеньке. Нина Владимировна села рядом. По щекам девочки текли прозрачные слезинки. Протянула руку обнять, но тут же отёрнула, подумав: «Поверит ли она мне?» Карина сама повернулась к ней и прижалась горячим лицом к её шее.

— Простите меня. Такая я есть.

— Ничего, ничего, — растерянно и благодарно шептала Нина Владимировна и гладила девочку по жёстким волосам.

А с Ваней Нина Владимировна так и не поговорила. Не решилась.

Ночью искали Данила. В милицию на свой страх и риск Нина Владимировна не сообщала. Утром Данил нашёлся в детдомовской бане. Отец одноклассника обвинил его в краже велосипеда, и мальчик боялся прийти домой.

Вызванная милиция велосипед нашла.

«Что я могу сделать с их одиночеством?» — думала Нина Владимировна. И ломала меню своими блинами и пирожками. Каждое утро, просыпаясь на рассвете, мыла веранду, складывала обувь, подметала двор и уезжала в свою жизнь. Через сутки возвращалась в этот дом, и начиналось всё сначала.

Карина цеплялась к каждой мелочи и устраивала скандалы из-за пустяков. «Просто эта девочка, как и все в этом мире, хочет быть любимой и значимой, — пыталась объяснить её поведение Нина Владимировна. — Кто же этого не хочет...» Нина Владимировна не понимала: Карина защищается или нападает? Или, играя в свои игры, пытается манипулировать, как ей показалось, слабым человеком. Доброту она восприняла как слабость.

«А это доброта — то, что я для них делаю? И для чего-то же этот детский дом мне дан. Что-то же он мне должен был разъяснить? Ничего, ничего, — думала Нина Владимировна, — я старше, я сильнее».

Прошёл месяц. Утром последнего дня Нина Владимировна проснулась чуть свет. Открыла окно. Погладила белые рубашки — сегодня линейка в школе. Помыла детскую обувь, напекла блинов. Мальчишки спали. Мадину вчера отвезли в школу-интернат для слабовидящих, а Карине мама Мила разрешила ночевать у одноклассницы.

Привычно шелестел тополь за раскрытым окном.

Мужу позвонила, чтобы не приезжал за ней. «Ладно», — согласился он, не узнав почему.

Напарницу ждала на крыльце. Там же с ней и попрощались.

Домой она не пошла. Хотелось остаться наедине с собой и, прежде чем вернуться в свою жизнь с хорошим кофе по утрам, с любимыми хризантемами в саду, хотелось сделать паузу и обдумать все, что происходит во внутреннем и внешнем мире.

Закрапал дождь. Она набросила капюшон куртки и просто побрела по старой аллее.

Сквозь поредевшую листву уже просматривались искривленные позвоночники деревьев.

Повинуясь какому-то импульсу, она пришла к бетонным коробкам серых домов. Безликие пятиэтажки пытались сдавить старый двор, обступив его с четырёх сторон.

Воробьи, словно воришки, вспорхнули стайкой на дерево, когда она подошла к покосившейся лавочке у подъезда. Села, подняла голову и посмотрела на третий этаж.

Вот они, их два окна. Первая квартира, которую они получили как молодые специалисты. Муж легко привык к этому городку. Ей же долго снился родной город. Большой, шумный, красивый.

Здесь родились их дети, дочь и сын. Выросли и ушли. Вот песочница, где играли, а вон облезлая беседка в углу двора, где они, повзрослев, сидели с ребятами вечерами. Двор тогда был шумным и звенящим.

«Как я хочу домой! — неожиданно подумала

Нина Владимировна, подсознательно понимая, что имеет в виду не тот дом, в котором она сейчас живёт. — Как я хочу домой!»

Жизнь оказалась короче, чем планировалось, да и сложилась она не совсем так, как мечталось. Эту мысль непросто принять. А ей, прикорнувшей на краю старой лавочки, хотелось быть просто счастливой. Счастливой обычным человеческим счастьем.

«А может, я счастливая? На каких весах это взвесить? — продолжала она свой тягостный диалог. — Что было сделано в жизни не так?»

Ей подумалось, что она скрывает от себя ответ, что истина как несколько бусинок на дне водоёма, но она не опускает за ними руку, боясь холода воды.

«Тебе просто не хватает любви, ты не умеешь ощутить родство и связь с такими же, как ты», — говорила она себе, отчётливо понимая, что ей подвластно уже далеко не все и она вряд ли успеет уже что-то в своей жизни изменить. Жизнь уже построена.

Из подъезда вышла старая женщина, они полулыбнулись друг другу, но женщина не узнала Нину Владимировну и медленно, слегка подшаркивая, пошла по своим делам. Эта женщина давно жила одна, но никогда не жаловалась.

«Почему мы так обеспокоены тем, чтобы окружающие не догадались, как мы одиноки?» — думала Нина Владимировна, долго провожая её взглядом...

В родном дворе её встретил восторженный собачий лай. Огромный Шрек бросился Нине Владимировне навстречу, радостно лизнул руку и кинулся к крыльцу. Там стоял муж.

— Собаку парализовало. Еду в аптеку.

«Собака сдыхает, — догадалась Нина Владимировна. — Едет за уколом, чтобы усыпить».

Неожиданно Нина Владимировна всхлинула.

— Не начинай, — сказал муж, проходя мимо. Затем остановился и погладил Нину Владимировну по плечу.

— Бедная. Хорошая была собака, — сказала она мужу.

— Мы же её кормили, — отозвался он без эмоций.

Эту собаку оставили прежние хозяева дома. И то ли они забыли в суете, то ли хозяева, то-

ропясь, не сказали имени собаки, но она так и жила Собакой. Жила за сараюшкой, где хранился разный садовый инвентарь да старые вещи, которые выбросить жаль. Больше не было места во дворе — ближе к дому муж построил вольер для породистого Шрека, подаренного на новоселье.

Собака лежала без ошейника. Всегда ласковый, виноватый и заискивающий взгляд Собаки был равнодушным. Взгляд одинокого существа. Женщина, столько лет приносившая ей пищу, для неё уже ничего не значила. Она уже ничего не могла для неё сделать. И не сделала.

Нина Владимировна присела рядом, погладила по голове собаку. «Каждый из нас сам проживает свою жизнь, — подумала Нина Владимировна и поняла, что всегда была одинокой, но глубоко прятала это в себе. — Не у всех получается достойно».

Рыдание подрагивало в горле. Она подняла голову и посмотрела в небо. Небо было осенним, серым и мутным. «Прости меня, Господи», — прошептала она в это небо, и произнесённые слова не показались ей нелепыми.

Принц для Юлии Ивановны

Юлия Ивановна глупой была всегда, но, когда кто-то с ней долго не общался, — забывал об этом. У неё красивые черты лица, пышные, слегка выющиеся волосы, легкая походка, а чего-то не хватало. В то, что все по-своему красивы, никогда не верила, поэтому важной частью своей жизни считала косметические процедуры и корректировку внешности. Любила шарфики, пестрые шейные платки, декольтированные платья и высокие каблуки.

Юлия Ивановна жила в согласии с собой. Твёрдо верила в закон конгруэнтности, по которому всё, что мы сделали в отношении других, вернётся к нам самим, поэтому с людьми была терпеливой и раздражающе вежливой, называя всех уменьшительно-ласкательно — Андрюшечка, Танюшечка, Игорёшка. И до слёз оскорблялась на любую бестактность и

грубость. А грубили ей легко и не стыдясь, грубили коллеги, срывалась начальница, сухая старая дева с тонкими губами. И очень бы удивились, ответь им Юлия Ивановна тем же.

Как-то одна сотрудница сказала, что выдержка у Юлии Ивановны, как у балерины. Почему как у балерины, она не поняла, но сравнение ей понравилось. Балерина — такое хрупкое создание из чужой красивой жизни. И Юлия Ивановна потом не раз фразу эту повторяла в своей интерпретации: «Я всю жизнь кручусь, как балерина». «Стрекоза ты, а не балерина», — неожиданно зло как-то пробурчала их умная, но не добрая Лидия Николаевна.

Лидия Николаевна не была стрекозой. Муж Лидии Николаевны был старше её на двенадцать лет. Мужа никогда не любила. И нелюбовь свою вот уже тридцать лет тащила, как бурлак старую рассохшуюся баржу. Ещё она тянула на себе семьи дочери, которая умудрилась выйти замуж за проходимца, и своего сына, который женился на шестнадцатилетней девчужке-сироте.

У Юлии Ивановны личная жизнь не складывалась. И она молча не понимала замужних женщин, считавших себя несчастными. Юлия Ивановна знала, что эти женщины хотели слишком многого и сразу. Нет, семью нужно строить медленно, каждый день. Начиная с раннего утра кашкой, стаканом свежавыжатого сока. Вечером — красивым своим халатиком и теплыми носочками для мужа, расспросами и сочувствием. Главное — выйти замуж, а уж там она сумела бы привязать к себе мужчину милыми привычками. Залог того — долгий опыт любовницы.

Но замуж никто не предлагал. И не такие рядом выходили, толстели, опускались, переставали за собой следить, их мужья смотрели Юлии Ивановне вслед, на корпоративных вечеринках мужчины, напившись, принимали её за лёгкую добычу. Но нет, Юлия Ивановна никогда не была доступной женщиной. Просто её жизненную программу поразил какой-то вирус. Как от него вылечиться, она не знала и оставалась одна.

Юлия Ивановна боялась одиночества, поэтому цеплялась за своего недостойного любовника. Любовник, вкусно поев и выпив из

холодильника прозрачной водочки, любил поговорить о жене, с которой они уже второй десяток лет, как две собаки на сене, мучили и не отпускали друг друга, и всегда говорил о ней плохо. Подобные разговоры, считала Юлия Ивановна, порядочные женщины не должны поддерживать, она их и не поддерживала, но ей они нравились. Особенно приятным было то, что неприязнь её любовника к жене была искренней. Настоящими были и его обиды, и долгие их с женой дни молчания, когда, как он говорил, «изображение есть, а звук пропал», но Юлии Ивановне хотелось поговорить не о чужих несложившихся отношениях, ей хотелось услышать об отношении к себе. Она не понимала, что же держит его возле нелюбимой женщины, тогда как она уж потеряла всякую надежду на то, что этот мужчина однажды уйдёт к ней, такой красивой, такой заботливой и такой покладистой. Мечтала быть любимой. Хотела выйти замуж. Всё это продолжалось так долго, что стало безнадежно банальным.

Юлии Ивановне хотелось с кем-нибудь поделиться своими переживаниями, но она никому не была интересна. Об этом можно было бы рассказать близкому человеку: сестре или подруге, но подруг у неё не было, а сестра Тоня, рано постаревшая женщина, жила далеко. Когда они встречались с Тоней, а это случалось не так часто, вспоминали своё детство, маму, которая, кстати, проживала в другой стране с отчимом. Или жизнь их так разбросала, или они сами не держались друг за друга, но встречались редко, а день, когда были все вместе: мама, Тоня, Юлия Ивановна и младший брат — хорошо выпивающий человек, был днём какой-то другой жизни, которая как бы была, а казалось, что никогда её и не было. И многого уже не будет.

«В моей жизни уже ничего не предстоит», — грустно думала Юлия Ивановна, вполуха слушающая сотрудницу, рассказывающую о дочери, которой предстояла поездка в Париж. Вот надо же, такая конопатенькая тихоня была, а вышла замуж, видимо, удачно, и вот уже пол-Европы объездила. Но не об этом думала Юлия Ивановна. Люди собирались в Париж, а она мечтала побывать с любимым мужчиной в ресторане, и чтобы полумрак, грудной голос саксофона, све-

чи на столе и её рука в руке мужчины. Казалось, не так уж много и нужно ей для счастья.

Появлению Михалыча в их отделе предшествовали два дня подготовки к финансовой проверке. Ревизоров пришло двое: женщина с вышедшей из моды мелкой химией и мужчина в роговых очках с большими руками, крупными чертами лица — Михалыч. Им выделили для работы отдельный кабинет: выселили на время кадровика. Женщина ушла сразу же после ужина, щедро накрытого в кабинете начальницы, а Михалыч засиделся допоздна, тараща глаза на исписанные листы бумаги сквозь линзы очков. Наступил октябрь, и уж который день шёл дождь. В кабинете было светло, тепло и тихо.

— В этом году ранняя осень, — произнес Михалыч, выйдя из кабинета.

— Да, холодно. Вы зонт с собой прихватили? — спросила одиноко сидящая за своим рабочим столом Юлия Ивановна.

— Нет, я на машине.

Неожиданно потянулся, разминая свои плечи, Михалыч. Это выглядело не очень прилично, но мужчинам можно.

— Вам везёт. А хотите чаю?

Юлия Ивановна легко поднялась из-за стола. Взгляд Михалыча оценил и остался доволен ею. Юлия Ивановна достала из шкафа чашки, вазочку с вареньем, печенье. Расстелила на столе небольшую скатерть.

— Я вам с травкой заварю. Любите с травкой?

— Нет... Не знаю, мне давно никто не заваривал. — Михалыч пожал плечами.

— А я вам с мятой. А что же ваша жена, не заваривает чай с травкой? Чай с травкой такой полезительный.

— Почему не заваривает? Заваривает, наверное, но только давно не мне.

— Пейте маленькими глоточками, отхлёбывайте осторожно, а то чай горячий... и глотайте, — говорила Юлия Ивановна вальяжно развалившемуся на стуле Михалычу. — Ну как? Хорошо? — Ласково заглядывала она ему в лицо, улыбаясь.

Михалыч шурился, неторопливо отхлёбывал из чашки, кабинет наполнялся лёгким ароматом мяты. За окном был уже поздний осенний холодный вечер.

Их отношения развивались. «Вот и встрети-

лись два одиночества», — думала Юлия Ивановна перед монитором своего рабочего компьютера, осторожно поглядывая на маленькие ручные часики. Юлия Ивановна прислушивалась к себе. Нет, душа её не пела, она мурлыкала, улыбалась глазами, как японская гейша в чайном домике. Им было вместе хорошо. Вечером по дороге к ней домой они заезжали в магазины, и, пока Михалыч дремал в машине, Юлия Ивановна покупала продукты и всё необходимое, поэтому в обеденный перерыв или тайком в рабочее время она не бегала за покупками, как случалось раньше.

Ужинали долго. Михалыч ел с аппетитом и хвалил. Юлия Ивановна с удовольствием пекла булочки с курагой, пышные пирожки. Михалыч любил с капустой. В доме пахло выпечкой, кофе и ещё чем-то хорошим.

В день зарплаты Михалыч, вытащив несколько купюр из пачки, все оставшиеся деньги положил на кухонный стол со словами: «Вот зарплату получил. Сегодня можно и пивка попить». Пиво пили с рыбкой, с солёными грибочками. Михалыч был ещё тот грибник, со стажем. Любил рассказывать о своих походах в лес и всё время повторял: «Летом я и тебя научу». Эх, лето!

О своей жене Михалыч сказал только однажды:

— Жену я любил долго, но она совсем не умела прощать. А ты умеешь прощать?

Юлия Ивановна не ответила, она думала. А умела ли она прощать? Прощать она умела, а уж мужчине, который бы её полюбил, она бы забыла всё.

— А своди меня в ресторан. Музыка послушаем, — негромко предложила Юлия Ивановна.

Михалыч оторвал глаза от экрана телевизора и посмотрел на неё очень пристально.

— Шучу, шучу, — неестественно рассмеялась Юлия Ивановна и суетливо стала поправлять воротничок своего нового халата.

— Рестораны — это из другой моей жизни. А в этой давай обойдёмся хорошим ужином дома, — после недолгого молчания произнёс Михалыч.

В какой-то из своих жизней он явно был опытным следователем и умел «раскалывать» на допросах.

На следующий день Михалыч не пришёл. Он

несколько раз звонил Юлии Ивановне и жаловался на зубную боль. Юлия Ивановна сочувствовала ему тихим шёпотом, украдкой поглядывая на сотрудниц, и строгим шёпотом требовала, чтобы он немедленно шёл к врачу.

Появился он вечером через два дня, измотанный зубной болью, осунувшийся и небритый.

Пришёл, чтобы просто сказать: «Выходи за меня замуж». Юлии Ивановне впервые делали предложение, и она не знала, как себя вести. Не знала она, и какие слова принято говорить, поэтому просто ответила: «Нет», — и грустно покачала головой.

Весь следующий день Юлия Ивановна ждала звонка, она представляла себе, как Михалыч скажет, что он всё понял, что она женщина, о которой он давно мечтал, что он очень любит её. А она скажет: «Ну что ж, придётся пожалуй несчастного влюблённого» или что-нибудь в этом роде, уж она-то давно знает, что ответить, и проведёт рукой по его седеющим волосам или лучше прижмёт его голову к себе и тихо заплачет. Но Михалыч не позвонил.

«Я очень счастлива, ведь мой мужчина меня любит. Он очень меня любит. Он обожает меня», — шептала глупая Юлия Ивановна, и по щекам её текли слёзы, окрашенные тушью.

Нина Павловна

Почему люди так эгоистичны в своих поступках, так мелочны? Может, потому, что они мало знают, то есть малообразованны? У них познания ограничиваются собственными желаниями и потребностями: хочу, хочу, хочу... хочу быть счастливой. Хочу — и любые средства хороши. Но мало ли в истории человеческого развития образованных и известных людей, которые предавали, подличали или вели себя как последние торговки? Уж у них-то были хорошие познания.

Соседка тётя Варя, увидев ползущего через двор пьяного мужа, сделав руки в бока, произнесла: «Уже приложился!», так вот мы, может, наоборот, не приложились к чему-то и ползём, как у нас получается.

Сегодня из нашего отдела ушла Нина Павлов-

на, вернее, уволилась по собственному желанию. Пожелала уйти, вернее, не пожелала больше с нами быть. Напротив, в углу возле окна, стоит её стол. Он так же стоял и семь лет назад, когда я впервые пришла в этот отдел. Та же простенькая вазочка из голубого стекла — подарок женщинам нашего отдела от наших немногочисленных мужчин. «Пара калек», — так называет их Люська, наша сотрудница. Люська тоже здесь уже была, когда я впервые переступила порог этого учётно-экономического отдела. Правда, за эти семь лет она удачно вышла замуж, что нисколько не мешает ей делать гадости с удовольствием. У мужа — квартира, машина, у его бабушки — домик в пригороде, куда ездят Люська, её друзья и муж на шашлыки. И чего, спрашивается, сидит здесь? Хотя никогда не преминет подчеркнуть, что гусю такого полёта, как она, никто здесь не товарищ.

В стеклянной вазочке у Нины Павловны, которая, кстати, единственная сохранила подарок от наших мужчин, всегда стояли цветочки или какая-нибудь веточка. Ещё вчера в ней красивой композицией притягивала взгляд рябина.

Все тихо шуршат возле светящихся мониторов своих компьютеров.

За окном, как на огромной рождественской открытке, медленно падают снежинки. Наконец-то настоящий снег завершает осенний дождь со снегом.

Нина Павловна была страшенькой женщиной с большими — о таких говорят «глубокие» — глазами. У неё были густые, слегка волнистые, всегда хорошо окрашенные волосы, из которых она небрежно соорудила какую-то копну на голове. У Нины Павловны были очень полные, с чёткой линией губы. Это губы фотомодели. Всё вместе — по-лошадиному длинное некрасивое женское лицо.

Нина Павловна была старой девой. «Хоть бы какого калеку нашла себе, всё ни одна», — не раз говорила наша удачливая Люська, когда мы судачили о Нине. Вообще, мы любили поговорить о ней за её спиной. Почему-то эта тема за столько лет нам не надоедала. Не было в жизни Нины Павловны таких интригующих событий, но она сама была чудной штучкой. Наверное, и притягивала нас эта необычность. Да ещё удивляясь ей, каждый как бы подчёркивал, смотри-

те: я уж точно не такой странный, я, слава богу, нормальный человек. «Гордой была Нинка, вот и осталась одна со своей гордостью», — на полном серьёзе рассмешила нас как-то Сталина Григорьевна, наша работающая пенсионерка.

У Нины Павловны была двухкомнатная квартира с крохотной кухонькой. Я думаю, ещё родительский дом. Это было такое тёплое, уютное человеческое жильё с книжными полками, ухаживаемыми комнатными цветами. Каждый хоть раз в жизни мечтал о таком. Я ни за что не согласилась бы иметь столько салфеточек, вазочек в своей квартире, но чувствовала себя глубоко несчастной, когда пришла проведать её болеющую, и в маленькой кухоньке пила чай с мёдом, который черпала из деревянного бочонка серебряной ложечкой. Мне хотелось плакать от горя, потому что у меня никогда не будет такого сказочного домика.

Работа и все движения в отделе были очень важны для Нины Павловны, но, когда мы вынуждены были оставаться внеурочно и поавралить, она отпрашивалась, а утром приходила с выполненной работой. Кроме работы и нас, у неё были ещё её мир и её дом. Это очень немало.

Когда неизлечимо заболела Лена, это не стало неожиданностью, потому что она последнее время жаловалась на боли и выглядела так, что никто не сомневался, что всё это очень серьёзно. Но когда Лена через неделю не вышла с больничного и наша «замша» Евграшина сказала, что она вряд ли когда-нибудь уже выйдет, мы испытали страх.

Да, ещё я вспомнила: как-то о нас писали статью в местной газете. И, когда Люська сказала журналисту, на вид бабнику со стажем, что её любимый писатель — Чехов и ещё ей нравится Достоевский, наша Нина сказала: «А я очень люблю читать Кинга, правда, последнее время он немного поднадоел». Эта её фраза тоже бурно обсуждалась потом. О Чехове и Достоевском напечатали, а о Нининой любви к Кингу ни слова. Как всё предсказуемо.

Как мы смеялись, когда, встретившись в парке, чтобы проведать больную Лену, увидели Нину Павловну в нелепой шапочке. Вообще-то, к шапочке у нас никаких претензий. Шапочка очень даже нормальная. Но игривый

розовый бубон на голове у сорокалетней женщины в тяжёлых роговых очках на пол-лица? Тема для разговоров ещё та! Хорошо, что нашей Люськи с нами не было. А быть её не могло, потому что всегда подобные поручения выполняют незамужние дамы. А это как раз я, две молодые девчонки Галка с Иркочкой и, конечно же, Нина Павловна. Кстати, Серёга хоть мне и неофициальный муж, а ужин приготовить нужно, в квартире уют создать, да и самой выглядеть достойно необходимо, потому что муж он уж никуда не денется, а вот Серёга...

Нина Павловна напекла пирожков, сварилапельменей и обернула кастрюльку несколькими полотенцами, чтобы не остыли. На наше раздражённое: «Зачем тяжелобольной Лене гора пирожков и контейнер пельменей?» — Нина спокойно отвечала: «А двое ребятишек?» И мы тут же вспомнили, как вчера все жалели двух несчастных мальчишек Андрюшку и Ваньку — сыновей Леночки. А когда они наперегонки уплетали пельмени вприкуску с пирожками, я подумала: «Дай бог, чтобы, когда наступит мой черёд заболеть, проведать меня пришла наша Нина».

Лена с семьёй жила в семейном общежитии. У нас в городе называли его Казармы. У них была большая комната, но одна. Войдя в неё, мы попали в мир чужого горя, где остановилось время, где у людей чёрные лица.

Мне стыдно признаться, но по дороге домой я не один раз подумала: скорее бы добраться и попить чаю, а дома — какое счастье! — я могу слушать музыку, лежать на тахте. Нет, я не бессердечная, но это всё так рядом: счастье и горе. И если сегодня я могу быть счастливой, значит, нужно ею быть.

И не оставь меня Бог в час испытаний, дай мне силы.

Муж Лены оказался очень приятным мужчиной. Преподаватель в педагогическом колледже. У него были такие холёные руки.

Мы постоянно узнавали, как Лена, сочувствовали её мужу и мальчишкам, а Нина Павловна ходила туда каждый день. Она готовила супы, жарила котлеты и относила им. Купила у дачницы — вахтёрши бабы Маши два ведра картошки, её видели с полными сумками на рынке. И слухи поползли...

Нина Павловна светилась изнутри холод-

ным белым светом, а на лице её вокруг глаз легли два чёрных круга — знак горя.

«Пир во время чумы», — ужасалась удачно вышедшая замуж Люська.

На вопль: «Ты что, вообще с ума сошла, у мужика умирающая жена дома, а он от тебя утром выспавшийся выходит», — Нина отвечала: «Ну и што, ему отдохнуть нужно. Он у меня с мальчишками, а мы с её мамой возле Лены сидим, жизнь вспоминаем».

А в субботу Нина на день рождения сотрудницы не пришла. Она, видите ли, Андрюшку с Ванькой в театр водила. «Какой театр, Нина? У ребят мать умирает!» — «У них осенние каникулы», — отвечала Нина тоном уставшей от глупости учеников учительницы.

В своей ежедневной дискуссии сотрудницы разделились на негодующих: «Какой цинизм! На чужом горе счастья не построишь» и на понимающих: «Счастью не прикажешь, когда ему случиться». Осуждающих было больше. Не добреют женщины в замужестве.

«Какое счастье, бабоньки-и-и? Да он её же сразу и бросит, как только ему сиделка с нянькой не нужны будут», — удивлялась чужой бестолковости Люська.

Шли дни. Лена умерла ночью. Нина Павловна позвонила и сказала: «Сегодня ночью у нас умерла Лена». Она так и сказала: «у нас».

Весь следующий день лил дождь. А в день по-

хорон выглянуло солнце. Солнечно не было, но было не пасмурно. Они так и стояли у гроба. Ленина мама, муж, двое сыновей, а за ними на втором плане — Нина, положив руки мальчишкам на плечи.

Сегодня, зайдя в отдел, Люська сразу же с порога, не видя ссутулившуюся у стеллажа с папками Нину Павловну, почему-то с торжествующей радостью произнесла: «Ну что я говорила, бросил он вашу Нину? Зачем нормальному мужику такая страшилка?»

Повисшую тишину прервал спокойный голос нашей пенсионерки Сталины Григорьевны:

— До нормального мужика ему не дорасти.

— А чё ты радуешься? — разозлилась Ирка.

Завязалась ссора между Люськой и молодыми девчонками, которые оказались куда как опытнее в такого рода диалогах.

Нина Павловна собрала свои вещи и вышла.

Я думаю, не всем Бог даёт быть красивыми.

□

Наталья КАРАЕВА —

родилась и выросла в России, в г. Армавире.

В настоящее время живёт в Казахстане.

Литератор, педагог.

Публикации в местных СМИ,

казахстанском журнале «Нива»,

российском журнале для подростков «Мы».

В журнале «Север» публикуется впервые.

